

К Р О К О Д И Л

R 556/481

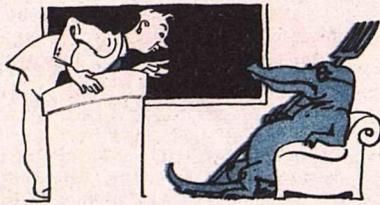
УДОСТОВЕРЕНИЕ. —
Предъявитель сего, тов. УРОЖАЙ 1948 г.,
пользуется правом беспрепятственного,
срочного и внеочередного проезда по
всем железнодорожным и водным путям
Советского Союза.

Рис. Бор. ЕФИМОВА

Знатный пассажир.

Boris Efimov

МОЛЧАНИЕ—НЕ ВСЕГДА ЗОЛОТО

НЕДАВНО в небольшом населённом пункте мы увидели афишу. На ней крупными буквами значилось, что вечером в клубе будет прочитана научно-популярная лекция из цикла «Богатства нашей Родины». Мелкими буквами на афише было напечатано, что после лекции состоятся танцы под дут аккордеонов. Затем сообщалось, что лица, взявшие билет на лекцию, за вход на танцы не платят.

Соблазненные перспективой за одну и ту же плату послушать лекцию и потанцевать, мы точно в указанный на афише срок вместе со многими другими жаждущими знаний и удовольствий сидели в зале и с нетерпением ждали лектора.

На сцене появился небольшой человек с пухлой папкой и с географическими картами в руках. Лектор душевным голосом проникновенно сказал:

— Сейчас, дорогие товарищи, я расскажу вам об одном из богатств нашей Родины...

В зале стало тихо-тихо.

Лектор вооружился указкой и, проведя по карте где-то около Тамбова, торжественно продолжал:

— На бескрайних северных просторах широко развито оленеводство. Как вам уже, наверное, известно, олень принадлежит к семейству парнокопытных млекопитающих. Олень ходит на высоких ногах...

Прошли первые полчаса. В зале стало шумно-шумно. Но это нисколько не смущало лектора. Он говорил и говорил, изредка поглядывая на часы:

— Северный олень питается исключительно подножным кормом. Зимой он ест ягель, а летом траву и листву кустарников. Из глубины зала донёсся вопрос:

— А овёс он употребляет?

Лектор подумал и ответил:

— Нет.

Кончались вторые полчаса. В зале становилось всё оживлённее. Это любители танцев плотным косяком шли в зал. Наконец лектор последний раз взглянул на часы и бодро сказал:

— Я кончил. Прошу задавать вопросы.

Вопросов не последовало.

После этого вопросы задавали мы. Но уже не лектору, а заведующему клубом:

— Кому нужны такие лекции?

Заведующий клубом чистосердечно признался:

— Как кому? Отчёт о выполнении плана вы за меня составлять ведь не будете. А у меня в плане в этом месяце десять научных лекций. Попробуйте, проверните! Тут не только про оленя, а даже про эту... ну как её... ну вот ту, что в воде разводят... про ондатру вспомнишь!

Пока старательный завклубом вспоминает про ондатру, мы поговорим о менее старательных людях.

Взять хотя бы Мясниковский район, Ростовской области. Старожилы рассказывают, что последний раз лекция для женщин была здесь... 8 марта этого года, а предпоследняя... 8 марта прошлого года.

В районе есть и знахари и знахарки. Объявился даже свой доморощенный пророк. В самый бы раз сейчас лекция о строении вселенной, о происхождении человека, о научных основах земледелия.

Но районным организациям всё некогда:

— То сев, то прополка, а тут и уборка на носу!

Немало появилось за послевоенные годы колхозных клубов и лекториев. Вот совсем недавно открылся клуб в колхозе «Красноармеец», Сумской области. В колхозе имени Фрунзе, Коротчанского района, Курской области, начал действовать клуб на триста мест.

И как действует! Постановки, лекции, доклады. Но попробуйте послушать лекцию в колхозах Кужбальского и Салтановского сельсоветов, Нейского района, Костромской области.

Нет-нет, да и пролетит по лесной этой местности какой-нибудь необычайный слух. Вдруг разнесётся весть о необычайной комете, которая-де заденет своим хвостом и испепелит весь нейский лесной массив. Или ещё что-нибудь глупейшее выдумают вздорные люди.

В самый бы раз сейчас лекцию или беседу. Но по горло заняты секретари парторганизаций обоих сельсоветов Золотов и Соловьёва:

— Какая там лекция, когда ещё в колхозах картошка как следует не окучена!

Или вот ещё лесной край — Кировская область. Попробуйте поговорить с заведующим отделом пропаганды и агитации Татауровского райкома партии тов. Питиримовым. Обо всём он вам расскажет: сколько порослят получено в среднем от каждой матки, сколько накосили сена в отдельности по каждому колхозу.

Но сразу начнёт заикаться красноречивый этот оратор, как только спросят его о лекции для населения:

— Какие там лекции, когда рожь дошла до восковой спелости! Хороша спелая рожь! Но почему она должна мешать культурно-просветительной деятельности тов. Питиримова?

И почему не только Питиримов, но и многие другие пропагандисты и политпросветчики молчат тогда, когда надо говорить полным голосом?

Молчание — не всегда золото.

Арк. ВАСИЛЬЕВ

Владимир СОЛОВЬЕВ.

Встреча с героем

Реакционная критика в США выбрала лозунг, требующий от писателей создания «положительного образа американского банкира».

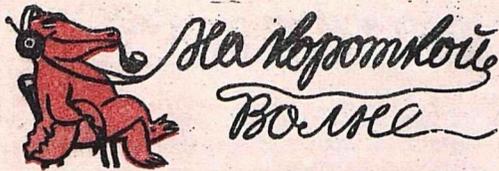
Час этой встречи долгожданной
Однажды пробил наконец...
Куря роскошные гаванны,
Сидели «образ» и «творец».
Отринув творческие выси,
Минутой каждой дорожа, —
С глазами азиатской рыси,
С лицом гренландского моржа, —
Делец финансового мира
В палатах пышного дворца
Своим прообразом банкира
Пленял писателя-творца.
Но, вторгшись в творческую область
И глядя истине в глаза,
Писатель, посмотрев на «образ»,
С тоской взглянул на образа!
— Итак скажу вам, мистер, прямо:
Достоинств, к сожаленью, нет
В том образе, что ваша мама
Произвела на этот свет!
Нет, в положительном герое
Не доводилось видеть мне,
Чтоб он, как вы, разбух от крови,
Как вы, нажившись на войне!

Банкир ответил:

— Что вы, мистер?

Мой опыт в войнах слишком мал.
Не знаю я, что значит выстрел,
И никогда не воевал.
За кровь людей перед всевышним
Я лично не несу вины.
Поверьте, за сто тысяч с лишним
Я откупился от войны!
Ни пьяным будучи, ни трезвым,
Не совершал я «мокрых дел»...
Я в жизни куры не зарезал,
Хотя немало их и съел!
Вот этот факт, хотя и малый,
Вы раздраконьте, черт дер!
Тогда тышонку... две... пожалуй...
— Нет, это будет стоить три!
А также, мистер, я не скрою,
Читатель средний не привик,
Чтоб положительным героем
Был, извините, ростовщик,
Дающий деньги под проценты
И под внушительный залог!..
— Но, мистер, эти все моменты
Писатель и смягчить бы мог.
Давайте, так сказать, не будем.
Вы так пишете жизнь мою,
Чтоб люди думали, что людям
По доброте я в долг даю.

Ведь факты выглядят иными,
Если иначе их прочесть.
И тысяч пять на ваше имя...
— Нет, это будет стоить шесть!
Опять же в заключение, мистер,
Коснёмся линии второй.
До вас ведь был морально чистым
Наш положительный герой?
Он не имел скандалов громких
И никогда не нёс вины
За многочисленных потомков
От горничных своей жены...
Тут «образ» приподнялся с места:
— Ну, эти факты не для всех!
И если вам они известны,
То заодно бы знать не грех,
Что я с потомками моими
Уладил всё, как и с женой!
Писатель улыбнулся: — С ними...
Да, мистер, только не со мной.
А каждый «факт» настолько грустен,
Что, будучи известен всем...
— Довольно, тысяч шесть, допустим?
— Нет, это будет стоить семь!
...
Сей «образ», так сказать, в натуру
Не сможет, думается мне,
Обогатить литературу,
Однако автора — вполне.

ПОСЛЕДНИЙ «АРГУМЕНТ»

Китайская газета «Шеньбао» привела недавно приказ гоминдановского министерства обороны по всем войскам и издательствам, предписывающий употреблять только ругательные выражения в отношении коммунистов и Народно-освободительной армии.

Приказ содержит также перечень рекомендуемых ругательств. Ругательства должны применяться во всех приказах, официальных документах, газетах, журналах, книгах, радиопередачах, выступлениях, листовках, брошюрах, лозунгах, плакатах, фильмах и даже в песнях. Эта

мера объясняется в приказе министерства необходимостью усиления «идеологической войны» против коммунистов.

Известно, что сильные выражения весьма редко являются выражением силы. Не помогают, видать, американские деньги и американское оружие. Гоминдановские воюки терпят поражения на поле брани и ищут реванша в области площадной брани.

А насчёт песен в приказе зря упоминается. При отступлении, особенно если оно бывает довольно стремительным, песен обычно не поют.

ПРОСВЕЩЕННЫЕ ПЕДАГОГИ

В графстве Сурей в Англии существует ассоциация учителей, объединяющая 350 работников просвещения. В июне 1948 (тысяча девятьсот сорок восьмого) года эта просвещённая ассоциация приняла резолюцию, требующую сохранения телесных наказаний в школах.

Секретарь ассоциации Френк Бейкер заявил корреспонденту «Ивнинг стандарт», что приня-

тие закона, запрещающего телесные наказания в школах, было бы «слишком опасным и резким поворотом».

Какая умилительная любовь к благородным традициям Британской цивилизации и какая трогательная забота о питомцах!

ДЕНЕЖНЫЕ МЕШКИ

Английские корреспонденты сообщают из гоминдановского Китая, что денежная инфляция достигла там невероятных размеров. В Шанхае женщины носят на базар деньги для мелких закупок в мешках.

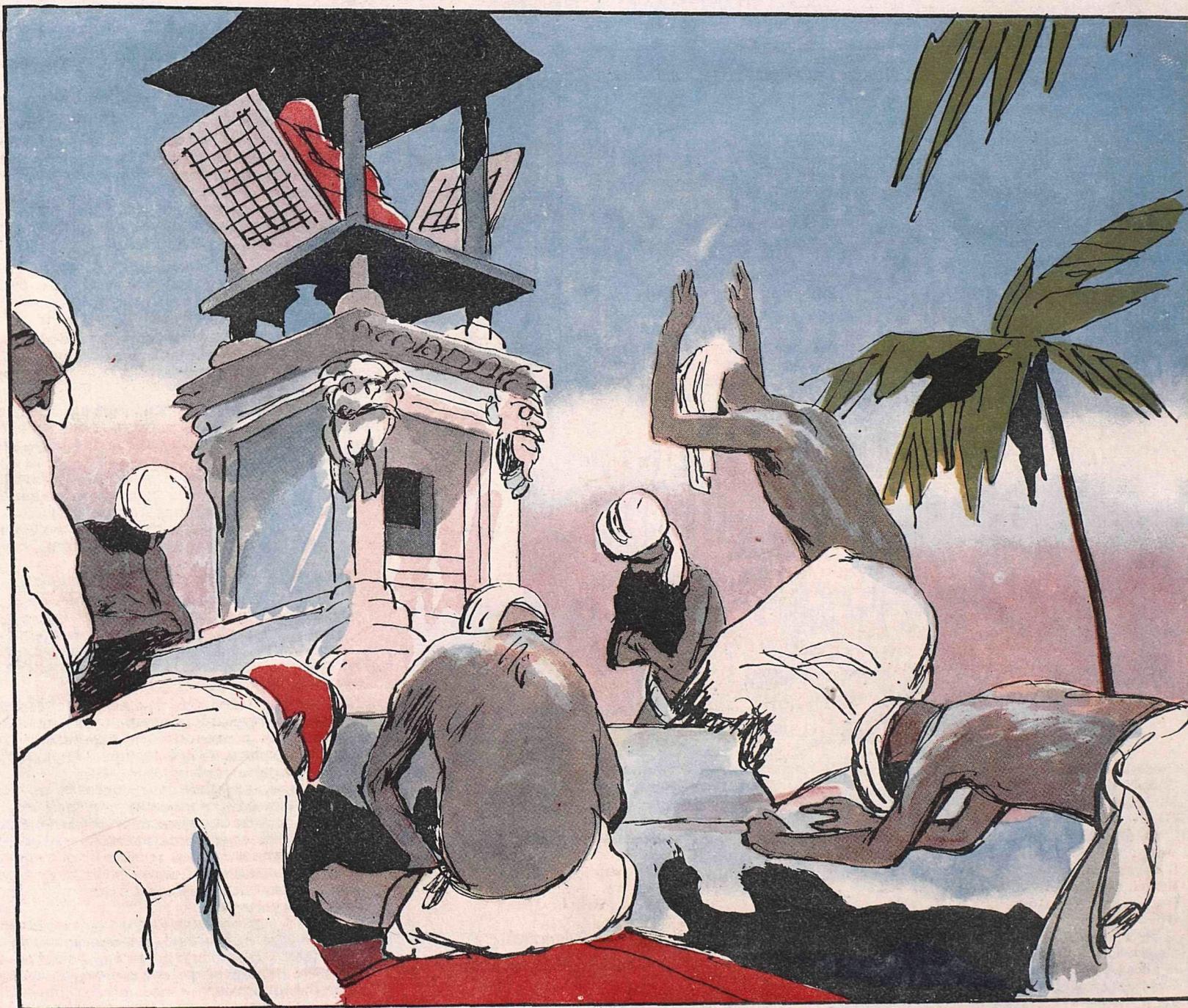
Женщинам, конечно, тяжело. Но каково кассиру, который должен перетаскать из банка несколько сот мешков с деньгами!

А каково высшему чиновнику, который в гоминдановском Китае является, как правило, взяточником и которому «незаметно» всовывают взятку этак мешков в 100!..

М. ЯНКО

МОЛИТВА МАЛАЙЦЕВ

Рис. В. ГОРЯЕВА.

— Избавьте нас, боги, от несчастий: золота, каучука, олова, нефти...
А англичане тогда уж сами уйдут!

ХОРОШЕЕ ОТНОШЕНИЕ К БЛИЖНЕМУ

ГРЕКАМ Гомера жилось вольготней, чем грекам Цалдариса.

Мы не касаемся здесь материальных сторон быта. Мы останавливаемся лишь на духовной сфере.

Речь идёт о взаимоотношениях греческого начальства с небом.

Древние греки обращались по-панибратски со своими богами. Как известно, Зевс считался зазнавшимся богом, громовержцем.

Тем не менее некоторые древнегреческие начальствующие лица шли запросто к Зевсу на приём, отрывая его от текущих дел

всякими мелкими просьбами, вроде того, чтоб он, Зевс, наказал строптивых ахейцев.

Дошёл до нас ещё более возмутительный случай фамильярного обращения с богами со стороны распоясавшихся военнотружущих того времени. Так, например, некий Диомед ранил Афродиту и Ареса и не понёс никакого наказания за свой дерзкий поступок.

Надо также отметить, что и олимпийские боги (в особенности богини!) не всегда умели держаться на высоте и позволяли себе якшаться с жителями греческой земли, оказывая им всякие незначительные услуги.

Судя по «Илиаде», богиня Афина участвует в драке и отражает от Менелая стрелу Пандара:

«...как нежная мать:
Гонит муху от сына, сном задремавшего сладким».

Правящие круги современной Греции поставлены в более затруднительное положение: нет прежних общительных зевсов и афродит. И никакая Афина не отразит от Цалдариса и К° стрелу Пандара из Демократической армии.

Цалдарисы усердно поклоняются мистериу Доллару. В свободные от этого занятия часы они исполняют некоторые обряды христианской церкви.

Без бога не до порога и ни до острога. С молитвой на устах фашистские палачи заключают в тюрьмы десятки тысяч патриотов. Подняв смиренно глаза к небесам, они с божьей помощью строят всё новые и новые виселицы.

Но всё же они не совсем довольны христианским богом. Он, по их мнению, не хитос. Он не совсем лойялен.

Вопрос о нелояльности господ бога и его представителей на земле обсуждался на днях в греческом парламенте. С докладом на эту интересную тему выступил депутат Карамбелос.

Телеграмма из Афин от 26 июня:

«На вчерашнем заседании парламента депутат Карамбелос выступил с обвинением греческой церкви в том, что она недостаточно активно участвует в походе против коммунистов...»

Карамбелос возмущался тем, что эти люди (т. е. священники) нагло проповедуют любовь к ближнему...»

С Зевсом было спокойней. С ним можно было договориться, чтоб он покарал строптивых ахейцев. А с теперешним богом целая канитель.

Священники нагло проповедуют любовь к ближнему. Без всяких оговорок! Ведь это может означать, что и коммунистов надо любить.

Вот почему депутат Карамбелос требует внести поправку в редакцию этой заповеди. Сейчас эта заповедь должна звучать приблизительно так:

«Люби ближнего своего (кроме коммунистов, партизан, солдат и офицеров Демократической армии), как самого себя.»

При этом греческий парламента ещё накануне показал достойный пример, кого следует считать ближним.

Та же телеграмма из Афин сообщает:

«На предыдущем заседании парламента рассматривал требование прокуратуры о лишении депутатской неприкосновенности 14 депутатов, против которых в судах имеются обвинения в различных уголовных делах.»

И что же? Парламент отклонил требование прокуратуры. Бандиты, воры и прочие уголовники остались в парламенте. Их нельзя трогать. Они неприкосновенны. Они ближние.

Отсюда, как видите, надо сделать вывод, что господу богу надлежит в самый кратчайший срок тщательно пересмотреть список ближних, дабы исключить из него всех подозрительных лиц и внести всех сторонников Цалдариса, а также всех воров-рецидивистов, прохлаждающихся в греческом парламенте.

Некая заокеанская разведка, находящаяся ныне в Афинах (и полагающая, что она здесь будет обретаться не только ныне, но и присно и во веки веков), сможет проконсультировать небесную канцелярию по данному вопросу и оказать богу посильную помощь в проведении этого важного мероприятия. Слава богу, не без добрых душ на свете!..

Г. РЫКАИН

МЕДПОМОЩЬ В АМЕРИКЕ

Рис. Ю. ГАНФА

— Ваше состояние внушает мне серьёзное опасение. Я опасюсь, что вам нечем будет заплатить мне за визит!

На всю улицу

НАША улица за последнее время очень похорошела: насадили по бокам лип, залили мостовую асфальтом, разграфили белыми полосами и поставили милиционера в белоснежной гимнастёрке. И он, как голубь, поаживает взд-вперёд в длину нашего квартала по средней полосе.

К липам мы сразу привыкли, полюбили их и уже говорим «наши липы». Асфальт — тоже прекрасная штука. Но к милиционеру мы никак не в силах привыкнуть.

Дело в том, что вот уже несколько лет подряд мы выходим из дому, пересекаем улицу и ныряем в проходной двор, откуда рукой подать до метро. Потому что все хотят поскорей, поскорей. Поглядишь направо и налево и лавируешь между катящими машинами.

А тут вдруг милиционер! И теперь мы уже поглядываем направо-налево не потому, что бережёмся машин, а потому, что опасаемся милиционера.

Правду надо сказать: он никого не штрафует, а только свистит и отечески выговаривает за нарушения. И возвращает вас обратно на ту сторону, откуда вы шли.

Все жители квартала уже знают, что его зовут Федей, но, конечно, никто ему «Федя» в глаза не говорит.

Вот он свистит — и сразу несколько прохожих оглядываются, хотя и идут смирно по тротуару. Возможно, что чувствуют за собой ещё какие-нибудь нарушения? Или просто так, от мнительности.

— Нет, это я не вам свистнул, — говорит Федя-милиционер и опять: — Фью-ю! Гражданка, это я вам свищу. Потрудитесь дойти до угла, там переход чётко обозначен.

Женщина топчется посреди улицы: очень ей не хочется возвращаться обратно:

— Батюшка мой, да я тут пятьдесят лет живу! Вот он, мой дом-то. Я в баню. Вон она, банька-то, за углом.

— Успеете в баню, мамаша, не следует рисковать жизнью. Переходите, где положено.

Но хорошие правила почему-то прививаются очень туго. Когда Федя-милиционер уходит в конец квартала, за его спиной улицу вприпрыжку перебегают все и молодые и старые — под самым носом у мчащихся разноцветных «москвичей», «эмков» и «зисов».

Так было и в тот день, когда я дала себе честное слово никогда больше не нарушать правил уличного движения на нашей красивой улице, усаженной цветущими липами и разграфлённой белыми полосами.

Я вышла из дому, воровато огляделась — нету Федя-милиционера! — и ринулась в поток бегущих автомобилей.

И вдруг на всю улицу раздался нечеловечески громкий, но хорошо поставленный баритон:

— Гражданка! Гражданка в пёстром платье...

Сперва я не приняла этого на свой счёт. Разве я думаю когда-нибудь о себе, что я гражданка в пёстром платье? Я знаю своё имя, отчество, свою профессию, наконец, все свои особые приметы, достоинства и недостатки. Да и каждый так. Например, если бы окликнули одного моего знакомого писателя: «Гражданин! Гражданин в кремовом пиджаке!» — он ни за что бы не обернулся, потому что, я уверена, он думает о себе примерно так:

«Вот идёт неповторимо прекрасный блондин с изысканными манерами и печатью гения на гордом лице...» и так далее.

Но нельзя же требовать от постового милиционера, чтобы он сразу различил печать гения. Да к тому же и печать, может быть, не совсем ясно поставлена и не выделяется на общем фоне.

А невероятно громкий баритон неумолимо продолжал:

— Гражданка, в пёстром платье и белых туфлях! Зачем вы нарушаете правила уличного движения? Вы же совершеннолетняя, нехорошо так поступать!

Я заметила, что на противоположном тротуаре прохожие улыбаются и хитро поглядывают на меня. Значит, это относится ко мне? Но кто это говорит? Откуда голос?

И тут я увидела у обочины тротуара скромно стоящую машину. Отличалась она от других машин только цветом. Она была красная, за стеклом виднелся профиль — очень приятный профиль, — белый китель и рупор.

Я поняла, виновато заулыбалась и немедленно вернулась назад. Старик-сосед, прогуливающий возле дома свою жёлтенькую дворняжку, засмеялся и сказал:

— Орут.

Я обиделась:

— Напрасно вы так говорите. Никто не орал.

— Орут, — настойчиво повторил старик-сосед и указал пальцем: — Читайте надпись на кузове машины.

— Ах... ОРУД! Не Т, а Д!

— Именно, — сказал сосед.

Я остановилась на углу, мне было интересно, что произойдёт дальше.

Вот так же, как и я, ринулась в стадо машин бесстрашная московская старушка. А ну-ка?..

— Гражданка! Гражданка в клетчатой шали!

На старушку это, разумеется, не произвело впечатления. Вероятно, дома её зовут Авдотьей Петровной или бабушкой. И она ловко продолжала свой небезопасный путь.

— Мамаша, бегущая через улицу! — вещает громогласный баритон. — Пожалейте себя и своих детей. Вы можете попасть под машину.

Старушка, достигшая средней белой черты, замедляет и растерянно оглядывается. Она даже подымает глаза к небу: уж не оттуда ли глас предостерегающий? И, к большому удовольствию прохожих, сконфуженно семенит обратно.

Она быстро смекает, в чём дело, улыбается и облегчённо вздыхает:

— Всё-таки как об нас заботятся, дай бог здоровья! Приятно ведь это.

А вот две девочки, которые всё отлично слышали и видели. Но им ужасно хочется стать центром всеобщего внимания, хоть на минутку прославиться на весь квартал. И они, взявшись за руки, кидаются через дорогу.

— Девочки! Девочки в красном и в голубом! Вы уже, наверное, в пятом классе и знаете, что нужно соблюдать правила! — раздаётся увещивающий голос.

И обе девчушки, смеясь и трепля косичками, бегут назад.

Хорошенькой девушке в соломенной шляпе тоже хотелось бы обратить на себя внимание баритона из красной машины, но она благоразумно доходит до угла и особенно старательно переходит улицу, ступая по белым квадратам перекрёстка.

— А знаете, — говорит кто-то за моей спиной, — хорошо бы, чтоб такой голос не только на улице, а везде. Например: «Гражданин! Гражданин в бостонском костюме, сидящий запершись у себя в кабинете! Зачем вы нарушаете? По какому праву не принимаете посетителей, которые дожидаются уже три часа?..»

— Да, да! Очень бы хорошо, если б такой голос! — азартно подхватывает женщина в пёлковой косынке. — Взял бы и сказал. «Гражданин! Гражданин Кусакин, сорвавший план заготовок овощей! Зачем вы нарушаете, а?!» И чтоб громко, на всю улицу! И даже ещё громче. Верно, хорошо бы?

— Действительно, очень бы неплохо.

ПРОКЛЯТАЯ НЕИЗВЕСТНОСТЬ

СТАРШИЙ инспектор горторготдела Семён Семёнович Коршунков, пожилой и, как говорило начальство, вдумчивый человек, ехал на рейсовом автобусе с брезентовым верхом по приморскому шоссе в убийственную июльскую жару.

Семён Семёнович избрал самое жаркое время дня и рейсовый автобус, чтобы нагрянуть внезапно в один из курортных магазинов, о деятельности которого дошли дурные слухи. Седьмой год, проведённый Семёном Семёновичем в контрольных органах, вознёс его до звания старшего инспектора, но, как и в начале своей служебной деятельности, Коршунков так и не мог до конца постичь сложную механику того торгового жульничества, изобретателями коего являются разные субъекты с тёмным прошлым и незавидным будущим. Перед каждой ревизией или проверкой ум Семёна Семёновича находился в состоянии проклятой неизвестности.

Нельзя упрекнуть Семёна Семёновича, что семь лет работы совершенно были выброшены за борт. Несколько дел было вывернуто наизнанку руками Коршункова, но каких дел? Обнаружить преступление заведующего магазином или точкой легко, когда в один прекрасный миг он исчезает в неизвестном направлении со всей выручкой или жена завмага доходит до наглости, приобретая десятую котиковую шубу или спальню «птичий глаз». А вот попробуй войти в таинственную структуру мелкого воровства, когда придрасться не к чему, а нюх подсказывает, что и магазин и покупателей ежедневно подтачивают неуловимые мелкие грызуны. Вот тут-то Семён Семёнович пребывал в состоянии полной растерянности, что угнетало его самолюбие и не давало покоя.

Возле аллеи эвкалиптов в автобус резво прыгнул средних лет гражданин, с крупными жёлтыми зубами, в грубых ботинках, простой рубашке и неприметном костюме самого рядового покроя.

Гражданин оторвал от потной ладони бумажку в десять рублей, при помощи которой была остановлена машина, сунул её шофёру, уселся рядом с Семёном Семёновичем, заложил ногу за ногу и закурил «Дели».

— Нельзя курить, гражданин, — сказала пожилая и сердитая женщина, сидевшая впереди.

— Благодарю вас за напоминание, — пассажир вежливо кивнул головой, — я докурю и выброшу.

— Ловко вы машину остановили, — сказал Семён Семёнович.

— Привык к обжорденю, — сказал он, вежливо изогнувшись в сторону Семёна Семёновича, — потому в торговой сети шестнадцать годков отработал. Там случилось всякое, особенно ежели нужно было ревизору пыль в глаза пустить.

— И ничего, не было неприятностей? — спросил Коршунков.

— Если я в торговой сети за шестнадцать лет хотя, правду сказать, и имел неприятности, но ни разу к уголовной ответственности не привлечён, то, подумаешь, проехать за десятку вместо пятнадцати.

— Вероятно, работали честно, потому и не привлекались, — сказал Семён Семёнович деланно равнодушным голосом.

— Так же работали мои многие друзья, — сказал гражданин с папирской, — но сгорели, как свечи в степи.

— Как же вам удавалось? — спросил Семён Семёнович. — Если дело прошлое...

Неизвестный пассажир наклонил к Семёну Семёновичу свою узкую, будто сплюснутую голову.

— Надо работать умючи, с головой, — доверительно начал он, сияя глазами. — У меня был продовольственный магазин со штатом в двенадцать служащих. Как я начинал работу? Скажу. Вызвал к себе сразу всех двенадцать и сказал им: «Разрешаю есть кто сколько хочет и хлеба, и колбасы, и конфет, и всего прочего, что на вас смотрит в магазине, только домой не носить и подставникам не передавать. Если будете работать хорошо, — получите дополнительное вознаграждение и ещё кое-что. Поняли?» Люди были толковые, опытные и меня поняли отлично. Кто не понял или не хотел понять — были и такие, — тот у меня на работе не задерживался. Не всё, конечно, сходило у меня гладко. Но умел выкручиваться. Основное, я говорю им, не затевайте скандалов с покупателем, не давайте им пачкать жалобную книгу, а отсылайте покупателей ко мне, если сами не сумеете покупателя деликатно уговорить.

— А насчёт чего уговорить? — Семён Семёнович весь превратился в слух.

— Ну, во-первых, насчёт обвеса. Допускать обвес нужно, но немного. Вот покупатель, к примеру, заметит, закричит, надо сразу же: «Не волнуйтесь, товарищ, вышла ошибка, весы давно не клеймили, мы сейчас вас улагодворим». Надо сразу такому покупателю дать поход, завернуть товар, — несмотря ни на что, завернуть, — и проводить до дверей из магазина под ручку. Если же он кричит и требует заведующего, тогда я принимаю его деликатно, стоя, рассыпаюсь перед ним на составные части, преклоняюсь перед его способностями разбираться в торговле, обещаю наказать служащего, даже прогнать, обещаю довести до сведения и так далее... Сам иду, отвечаю с походом, сам заворачиваю и сам провожаю до двери. Жалобная книга остаётся чистой. Никогда не было никаких случаев, а, сами понимаете, шестнадцать лет — не шутка, как на ноже ходишь...

— Значит, вы... зарабатывали на обвесе? — спросил Семён Семёнович вкрадчивым голосом.

— Не только. Это один предмет, к примеру. Второй предмет — пересортица.

ДЕТСКАЯ
КОНСУЛЬТАЦИЯ

Есть кому позаботиться об этом (сунук) и мать, и детский сад, и врач, и управдом.

Единственно, кто забыл о ребёнке, кто забыл об отце ребёнка и напомнит что у него растёт сын?

— Пересортица? А как? Интересно, знаете, как это интересно!.. Значит, бакалейный, колбасный, гастрономический отделы вы...

— Ничего преподобного, — пассажир сурово отмахнулся, — эти отделы бьют по карману. Потому мука усыхает, крупа — так же, колбасу не переведёшь из сорта в сорт. Выручают мясной, рыбный, овощной или фруктовый. Вот поступают туши разной упитанности, первого и второго сорта. Смотрю. Туша к второму сорту отнесена, а передок по всем признакам можно пустить в первый. Ну не совсем, конечно, первого, но если вместе с первым бросить, пройдёт. Фублу передок в первый — уже выгода. Также из третьего перевозю во второй и делаю такие комбинации, как фокусник-манипулятор. Очень трудно разобраться в пересортице, и всегда проходит это великолепно, на высоком уровне.

— А как же фруктовый отдел?

— Фруктовый? — пассажир вытянул ногу, забрался глубоко в карман, вытащил оттуда яблоко. — Вот перед вами яблоко. Это яблоко имеет два промина и укус плодоножки. Отнесено оно должно быть во второй сорт. Ну, кто будет рассматривать или кто знает, что два промина или один должны быть в том или ином сорте. Бросаю это яблоко в первый сорт, а это на пять рублей дороже за килограмм. Идут. Или различаем укус долгоносика, который только корочку вредит, или плодоножки, которая прогрызает яблоко на глубину до семени, откладывает яички, и получается червяк. Попадается покупатель дошлый: зовёт, почему яблоко, укушенное плодоножкой, попало в первый сорт. Беру тогда это яблоко вежливо и разглядываю его чуть ли не под микроскопом и так и этак, и на свет и в тень, и фартуком протру и потрясу. И чрезвычайно деликатно отвечаю: «По-моему, гражданин, это долгоносик, потому что отверстие входное с чернишкой». Он протестует: «Плодоножка. И если разрежем, увидим внутри червяка». Тогда я ему отвечаю: «Товарищ, вы имеете право резать это яблоко ножом, а я не имею права резать его ножом, так как яблоко не должно продаваться на вырез, как арбуз...» Если покупатель смотрит плохо и рука тянется, чтобы испачкать книгу, и всякое другое, надо немедленно бросить это яблоко во второй сорт и заменить его вдвое большим и абсолютно чистым. Скажу вам, что подобный покупатель встречается на тысячу один, а другого и обвесить и опутать, никогда не заметит. Особенно толстух — домашних работниц. Те, которым хозяйского не жалко. И держишь в магазине специально такого с кудрями, с огнём в глазах, ярого бабоеда и киношника. Наслаждение — иметь такого на доходном отделе! Иные женщины ничего, кроме его кудрей и очей, не видят, а такой домработнице вместо говядины дельфина подсушь — и то не заметит. Она уже не на руки ему глядит, не на весы, а только на кудри. Хорошо, ежели прибаутошник и красавец на разрубке стоит. Благодать! Ему можно свободно тройной оклад платить, выручит.

Также возьмём рыбу. Плавает она в аквариуме — стоит столько-то, а не плавает — меньше, а чуть прихватило у жабр, — сами знаете, цены абсолютно разные. Иногда одну и ту же рыбу из аквариума сто раз продашь. Надо опять-таки иметь ловкость и сноровку. И на рыбе пересортица хорошая, также и на овощах. А штучный товар, что же, разводи руками, — убыток.

И скажу вам по совести, засыпается только тот, кто не удерживается и начинает грабить наглým образом. Жене каракуль сегодня, а завтра чернобурка, а потом в комиссионке всё подряд. Не моги этого. Потому, ты как торговый работник ходишь под общественной совестью, тысячи глаз на тебя смотрят, поскольку всё — и всё пропало. Потому нельзя запускать фасон, особенно соседей-жильцов дразнить, и каждый день чтобы дома бараниной из кухни не пахло. Тоже надо умерчи. И костюмом нельзя выделяться, поскромнее, поскромнее и в рестораны умерчи ходить, ни в коем случае в центр, глаза мозолить, а ближе к окраине, в районе, во второй разряд или в третий. Всё же следят за тобой, и можешь попасть тогда сам в пересортицу...

Автобус с парусиновым верхом мчался со скоростью, эквивалентной количеству выпитого водителем давленого вина «Изабелла» и абхазской чачи.

Семён Семёнович сидел возле рассказчика с багровым лицом, с бегающими, возбуждёнными глазами, ошеломлённый и переполненный всеми этими комбинациями настолько, что многое начинало улетучиваться из головы, как бензин знойным днём из плохо закрученного бензобака.

Пассажир увидел возле пристанционного кино плакат кинокартины с чудовищно выписанным жёлтой и голубой клеевой краской артистом Михаилом Жаровым.

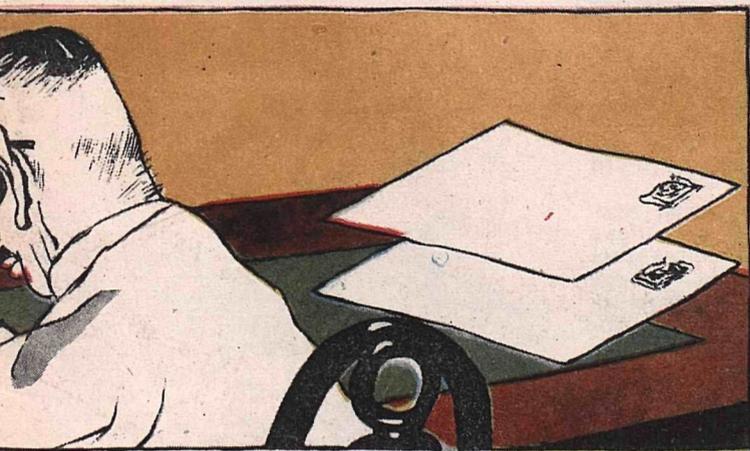
— Еропкин на проводе! — пассажир одобрительно ухмыльнулся. — Будь здоров, Миша Жаров! Вы знаете, про нашего брата изображал Миша Жаров. Еропкин! Сейчас смешно, а впервой, когда картина вышла, тревога прошла по всем магазинам, как будто сирены завывали ПВО. Многие завмаги ходили на картину, дрожали, а вдруг тайные места выдаст. Пронесло, знаете, вздохнули. Иногда и правильно, но и тысячной доли не раскрыл, значит, не овладел...

Или, вот скажу, пиво. Тоже надо с понятием...

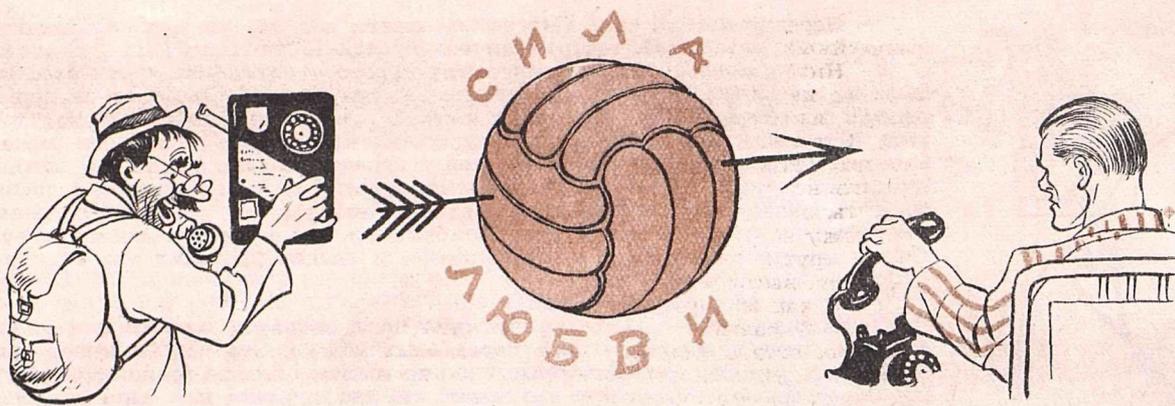
— С водой мешают, — заметил один из пассажиров с газетой в руках, — с водой. Сколько можно выгадать! Воды в колодезях много.

— Не знает, далёк от этого, — сказал собеседник Семёна Семёновича и сострадательно покачал головой; теперь он сбавил голос и говорил только Семёну Семёновичу шопотом: — Никто в пиво воды мешать не станет, нельзя. Потому есть анализ, а если анализ — вода, десять лет обеспечено. Кому схота, а? А если недолив на две спички — выговор, а на три — снятие с работы. Так лучше недолив на две спички. Придёт инспектор, к примеру, кто его знает: заплатит деньги, рыло как рыло. Недолил ему, лещему. А у него уже в кармане спички без коробка. Прикладывает. И всё... Акт — и будь здоров! Я здесь недавно. Отдыхаю после одной неприятной ревизии. Вообще сейчас отдыхаю — ещё не пристроился на новое место... Так вот я здесь приглядываюсь. Вода приносит в день минимум триста, если пасмурный день, а такой, как сегодня, — выше. И ничего, я вам скажу, нельзя сделать, если неопытный инспектор.

— Как... как же так! Как же так ничего не сделаешь! Обязательно сделаешь! Да и вас самого надо... — Семён Семёнович хотел сцепиться с этим субъектом, но субъект, очевидно, пропустивший остановку за разговором, крикнул шофёру, заскрипели тормоза, и он прыгнул с машины и быстро пошёл между пальмами и драценами.

м ребёнке! О нём заботятся (см. ричебная консультация, и даже иногда ёнке, это его отец. Кто же позаботу этому рассеянному человеку о том,

ДНЕМ над кассами московского стадиона «Динамо» появляется огромный аншлаг: «Все билеты проданы».

В ночь перед матчем директор стадиона не спит. Непрерывно звонит телефон.

— Слушаю, — говорит директор.

— Товарищ Буроз! — звучит незнакомый голос. — Доброго здоровьица!

— Кто говорит?

— Это я! Коломойцев из Таганрога. Только сегодня приехал. Решил позвонить. Помниге, товарищ Буров, мы вместе в Таганроге работали? Как жизнь, товарищ Буров?

— К сожалению, ничего не могу сделать. Все билеты проданы, — сдержанно отвечает директор, — спокойной ночи!

Директор кладёт трубку и, уже засыпая, вспоминает, что никогда в жизни не был в Таганроге.

Писателю, желающему написать отчёт о футбольном матче, мы можем предложить стандартное начало:

«Был летний зной, холод, ливень, ураган, снегопад, землетрясение (ненужное вычеркнуть). Стадион был полон до отказа».

Мужественная формула «матч состоится при любой погоде» касается в равной степени и футболистов и зрителей. Жалкие попытки стихи помешать ходу игры встречаются болельщиками с ироническими улыбками. Сила любви к футболу побеждает силу стихии.

Задолго перед началом матча у стадиона собирается толпа. Люди стараются не смотреть на аншлаг. Болельщики надеются на чудо. Передовые отряды идут вдоль по Ленинградскому шоссе, обращаясь к каждому встречному с коротким вопросом:

— Нет лишнего билетика?

У окошка администратора выстраивается очередь командированных. Люди, приехавшие из Воркуты, с полуострова Таймыр, из Алма-Аты, прямо с поезда, минуя гостиницы, штурмуют твердыню стадиона. Нужно отдать должное человекулюбью администрации: гостям стараются помочь.

— Товарищ администратор, — умоляет командированный, — один билет. Понимаете? Один. Не два. Один!..

— Куда я вас посажу? — спрашивает охрипшим голосом администратор. — Куда?

— У вас же 70 тысяч мест, а я один, — доказывает болельщик.

— Если бы вы были один!.. — тяжело вздыхает администратор, и в сознании его возникает

картина — общий вид стадиона, который принял сегодня всех желающих попасть на матч.

Зрители сидят в два этажа. Сидят на дорожках, на поле, на воротах и в воротах. Порыв ветра приносит жаркое дыхание атаки. И вратарь обращается к сидящим в воротах:

— Прошу временно освободить помещение. Ожидается удар по голу!..

Тем временем заполняются все четыре трибуны огромного стадиона. Ещё есть время, можно обменяться прогнозами, подсчитать набранные и потерянные очки.

— Привезут сегодня ваших!

— Зря надеетесь. Вызывайте бухгалтеря. 6 : 0 гарантирую!..

— Посмотрите программку: кто у нас в воротах! Орёл!..

— Что ваш Орёл против нашего Соловья?.. А?

Стрелка часов приближается к семи. Выходит судья с помощниками. Судья наделён высшими полномочиями. Судья независим. Он подчиняется только закону игры. Кроме двух помощников, судье помогают «народные заседатели». Их 70 тысяч. Они будут следить за ходом игры и активно — криками, свистом, аплодисментами — вносить свои коррективы.

Футболисты выходят на поле. Со всех трибун к ним устремляются гонцы с букетами цветов. Маленькая девочка с букетиком ромашек подбегает к прославленному капитану «своей» команды.

Свисток судьи возвещает начало игры.

С этого момента на трибунах возникает высшая нервная деятельность.

Пятёрка нападающих идёт на ворота.

Нарастающий гул трибун, как волна, несёт игроков.

Болельщики на трибунах делятся на три категории:

а) Знающие. (Крики: «Коля! Давай на выход! Рука!..»).

б) Дилетанты обыкновенные. (Вопросы: «Почему они ударяют по мячу только ногами?»).

в) Дилетанты с претензиями. (Вопли: «Бей, Вася!» — в то время, как футболиста зовут Серёжей. «Игрок в инсайде!» — в то время как игрок в офсайде).

Нужно сказать, что третья категория самая неуважаемая. Болельщики знающие говорят о представителях третьей категории:

— Места только зря занимают. А люди серьёзные за воротами остались!

Сотни тысяч любителей футбола, мысленно находясь на

стадионе, сидят дома и жадно слушают радиорепортаж.

Если вы находитесь на Северной трибуне, оглянитесь. Вы увидите радиокomentатора. Он ведёт свой вдохновенный рассказ из застеклённой будки.

На поле идёт игра. Ураганные прорывы форвардов чередуются с акробатическими прыжками вратарей. Радиокomentатору трудно. Он тоже человек. Он тоже больше болеет за одну команду и меньше болеет за другую. И вот, когда на штрафной площадке его любимой команды назревает гол, радиокomentатор дрогнувшим голосом призывает:

— Нужно бить по воротам! А внутренний голос его шепчет: «Не нужно бить по воротам!»

Итак, на поле идёт игра. Пожилой человек в пенсне говорит соседям:

— Лично я болею тихо. Я кричать не люблю!..

Его речь прерывает рывок нападающих на территорию противника. Центр нападения с ходу посылает мяч в сетку ворот. Мгновенно поведение «тихого» болельщика заставляет его соседей испуганно отодвигаться. «Тихий» болельщик кидает в воздух шляпу, кричит женским голосом:

— Гол! — и закуривает папиросу с другого конца.

Стадион ликует. Самая агрессивная — Восточная трибуна исторгает тысячестный свист. Голуби, спрятанные до поры за пазухой у мальчишек, взмывают в синее небо и ложатся на курс. Они летят домой, как вестники победы.

Команда, получившая гол, начав с центра поля, бросается в ответную атаку.

Радиокomentатор выпивает стакан воды и говорит в микрофон:

— Напоминаю: счёт один — ноль.

У радиокomentатора звонкий голос и торжественная интонация. Гол забила его команда.

Первая половина игры пролетает, как сон. И вот снова игра, снова прорывы, пресекаемые защитой, снова броски вратарей. И так до последних минут игры. И вдруг происходит такое, что заставляет десятки тысяч зрителей одновременно схватиться за сердце.

Защитник команды, которая ведёт со счётом 1:0, в непосредственной близости от ворот, неосторожно касается мяча рукой. Пенальти! Одиннадцатиметровый штрафной удар.

На стадионе наступает тишина. Левый край — мастер пу-

шечного удара — ставит мяч на точку.

Вратарь за несколько секунд успевает вспомнить далёкое детство. Он смотрит на идущего на мяч игрока, и взгляд его выражает:

— Опомнись! Что ты делаешь!..

Доля секунды. Удар! Вратарь прыгает и...

Радиокomentатор сообщает в микрофон:

— Вы слышите шум трибун. Вы, вероятно, догадываетесь, что сейчас произошло. Счёт стал один — один!..

Пока гром аплодисментов не сётся с трибуны и репортёры в ложе прессы лихорадочно заносят в блокноты художественные детали только что забитого гола, игра начинается с центра.

Зрители поглядывают на часы, и судья свистком прерывает спортивную схватку.

Игра кончается мирной ничьей.

Команды, провожаемые аплодисментами, покидают поле.

Неожиданно из всех радиорупоров раздаётся голос:

— Мальчик Вова Молчанкин! Зайдите в комендатуру. Там вас ждёт отец.

Юный Вова Молчанкин, потерявший отца в перерыве между таймами, направляется в комендатуру. Сын и отец болели сегодня каждый за свою команду. В случае, если бы победила команда Вовы, его встреча с отцом могла бы быть несколько натянутой. Теперь же ничья гарантирует Вове полную безопасность.

Трибуны стадиона пустеют. Тысячи машин потоком идут по шоссе.

Болельщики выстраиваются в очередь к кассам. Только что открылась продажа билетов на послезавтрашний матч.

У выхода из раздевалок большая толпа ждёт появления своих любимцев.

И вот они выходят, герои сегодняшнего «большого футбола». Пробираясь сквозь толпу почитателей, они садятся в автобус.

Автобус трогается, за ним бегут мальчишки — будущие Соловьёвы, Бобровы, Хомичи...

Они отстают от автобуса и смотрят ему вслед глазами, полными восторга.

Так кончается матч.

Борис ЛАСКИН

Иллюстрации Бор. ЕФИМОВА

— Когда же наконец начнётся приём?
 — Теперь уже скоро! Сейчас Иван Иванович принимает солнечную ванну, затем примет душ и сейчас же после приёма пищи начнёт принимать посетителей!

Семён КИРСАНОВ

Насчет вод

Поезд мчит из Кисловодска,
 зной немислимый,
 и вот —

таящее
 вроде воска
 сердце просит
 холодных вод.

Увы!
 На каждой стойке
 лишь водки
 да настойки.

Сосед мой —
 не пьянчужка Ной.

Он сердце подназанил,
 и, как сосудистый
 больной,
 внизу местечко занял.

Жара.
 Ни признака дождя.
 Пот прошибает просесть.
 Сосед,
 на станциях сходя,
 воды фруктовой
 просит.

Но где б ни слезть —
 один ответ:

— Водчонка-с?
 Есть.

Водичка-с?
 Нет.

Нет воды
 на всех вокзалах
 пресной и фруктовой,
 будто языком
 слизала
 некая корова.
 Пошёл бы к речке
 по тропе,
 приник бы к луже топкой!..

А дева
 тычется в купе
 с графинчиком и стопкой.

Сосед
 страдает пуще:
 — Гражданка,
 я не пьющий!..

И жаждущим воды
 моржом
 идёт опять
 искать боржом...

Он возвратился.
 Кверху ус.

Не узнаю походочки:
 — Я сагитирован!
 Сдаюсь!

Идёмте,
 выпьем водочки!

ДИСКУССИЯ О ПЕРЕГОРОДКЕ

Инвалид Отечественной войны Пицхелаури из Дзауджикау обратился в жилищное управление с просьбой:

— Разрешите перегородить коридор.

Главный инженер управления Кацуба одиннадцать дней обсуждал это заявление и пришёл к выводу:

— Возражаю. Будет возражать и пожарная охрана.

Управление пожарной охраны прислало комиссию. Комиссия признала:

— Перегородить можно. Не возражаем.

Тогда главный инженер Кацуба заявил:

— Возражают жильцы.

В дело вмешался начальник жилищного управления Попов. На место был направлен авторитетный специалист.

— Перегородить можно. Не возражаю, — признал специалист.

Но тогда Попов заявил:

— Возражаю против этого невозражения.

И позвонил главному архитектору Тегкаеву:
 — Прошу возражать!..

Тогда в разрешение этой сложной проблемы включились председатель районного исполкома Исаев и заместитель председателя горисполкома Хозиев.

— Не возражаю, — сказал Исаев.

— А я возражаю, — сказал Хозиев.

Дискуссия тянется уже семь месяцев. И конца ей не видать.

Несмотря на возможные возражения местных властей, у нас не нашлось никаких возражений, чтобы предать огласке материал этой поучительной дискуссии.

— Грязи у вас в цехе по горло!
— Кому как! Мне, например, только по пояс!

РАЗНЫЕ БЫВАЮТ РЕВИЗОРЫ...

В СЕРЕДИНЕ мая в кабинет директора Грозненского педагогического института тов. Ефлеева вошёл посетитель средних лет, неопределённой наружности и представился:

— Смирнов. Инспектор министерства просвещения. Приехал проверить вашу работу.

Лицо Ефлеева расплылось в улыбке:

— Пожалуйста! С чего начнём?

Гость деловито заявил:

— О делах успеем поговорить завтра. А сегодня я предпочёл бы начать с обеда... Сами понимаете...

Ефлеев оказался вполне понимающим человеком. Через час-другой он уже пил в ресторане на брудершафт с гостем. Инспектор клялся директору в вечной дружбе, давал слово, что он представит в министерство отчёт об институте в самом лучшем свете.

На другой день утром в кабинете Ефлеева Смирнов говорил:

— Саша, не пойми меня превратно. У меня в дороге случилось несчастье. Обокрали. Выпиши мне заимообразно небольшую сумму. За Мишкой Смирновым ещё ничего не пропадало.

Бухгалтерия выдала деньги.

В этот день обследование опять не началось, так как инспектор пообедал у заместителя директора института Владимирова и очень хвалил всё, чем угощали...

Наконец, отдохнув, инспектор приступил к «делу». Для начала он затребовал личные дела всех сотрудников института. И сейчас же слухи, один зловещее другого, поползли по институту. Инспектор был явно недоволен подбором кадров. Из кабинета, где заседал Смирнов, слышались непрерывное чертыхание, возмущённые возгласы:

— Как таких людей держат в институте? Гнать их надо! Немедленно!

Наконец, грозный ревизор стал вызывать к себе «неподходящих», с его точки зрения, людей и стал вымогать у них взятки:

— Я познакомился с вашим личным делом. В нём не всё в порядке. Много странного. Думаю, что вам придётся расстаться с институтом... Впрочем, дело можно уладить. Кстати, случилось несчастье: меня по дороге обокрали... Нет ли у вас небольшой суммы?

Многие работники института говорили тов. Ефлееву, что нельзя молчать, видя такое непристойное поведение инспектора, что надо сообщить о нём в министерство. Но тов. Ефлеев придерживался иной точки зрения:

— Что я себе враг! Неужели не понимаете, что ревизоры бывают разные.

Инспектору в Грозном очень понравилось. Кончался месяц, а Смирнов и не собирался покидать гостеприимных работников института. Однажды Ефлеев выехал в командировку. В его отсутствие по распоряжению заместителя директора Владимирова бухгалтерия дважды выдавала Смирнову деньги. Затем он начал действовать уже самостоятельно. Вызвал к себе главного бухгалтера института и приказал:

— Вопрос о снятии Ефлеева предreshён. Вашим директором буду я. С завтрашнего дня по всем вопросам советоваться со мной. Прошу немедленно приготовить мне тысячу рублей.

Но бухгалтер на этот раз проявил твёрдость. Он вежливо, но сухо ответил:

— Когда будет приказ министерства, тогда я буду выполнять ваши распоряжения. А сейчас я ничего для вас сделать не могу.

— Вы оплатитесь за это! Вы можете уже искать себе новую должность! Я не таких, как вы, а покрупнее уничтожал! В порошок сотру!

Поведением Смирнова заинтересовались в областной прокуратуре. Там решили проверить у него документы. Проверили, выяснили, что он действительно является инспектором министерства просвещения и... отпустили.

Через месяц Смирнов выехал из Грозного, и тогда обнаружилось число его доверчивых жертв. Он «занимал» любые суммы, не брезговал пятёрками и даже рублями.

Слухи о кипучей деятельности ревизора дошли до министерства. Взяточника уволили. Но, занявшись берущими, обошли почему-то молчанием дающих. А ведь «дают» не от праведной жизни.

Е. ЛУБИН

г. Грозный.

ЦИРКОВАЯ ФЕЕРИЯ

Блестяще закончил сезон Ашхабадский госцирк. Последним и самым замечательным номером своей программы за 1947 год дирекция цирка показала обыток в 900 тысяч рублей.

Нельзя не умолчать об одном головокружительном трюке, способствовавшем появлению на свет такого феерического номера.

Речь идёт о двенадцати обыкновенных, ничем не примечательных папах, за которые цирк уплатил частному лицу не много не мало, как 48 тысяч (сорок восемь тысяч!) рублей.

Нам кажется, что такие драгоценные папки в пору только крупным финансовым головам из Ашхабадского госцирка.

ОПАСНАЯ СТАНЦИЯ

Граждане, едущие в Крым, во избежание неприятностей не покидайте вагонов во время остановки на станции Мелитополь. Знайте, как только вы ступите на перрон, вам придётся расстаться с некоторой суммой денег.

Если не верите, сойдите и прочтите объявление, украшающее стены вокзала:

Хождение по перрону
встречается.
За нарушение — штраф
до 25 рублей.

Итак, будьте экономны в пути и не рассказывайте по перрону станции Мелитополь. Лучше потерпите, посидите в вагоне и истратите ваши деньги на более приятные вещи.

СТРАННАЯ ВЫШКА

В Архангельске, в центре города, возвышалась парашютная вышка и, по словам местной газеты «Правда Севера», привлекала внимание молодёжи.

«В настоящее время, — сообщает газета, — парашютная вышка находится около Мореходного училища, где стоит без движения».

Действительно, архангельская парашютная вышка ведёт себя более чем странно. Вместо того чтобы участвовать в эстафетном беге, заниматься, наконец, прыжками, она, представьте себе, стоит без движения. Безобразно! И куда только смотрит редактор газеты «Правда Севера»?!

Дорогой
Крокодил

(ШИБМА ЧИТАТЕЛЯ)

Дорогой Крокодил!

Помоги разобраться, кто над кем шефствует — плодосушильный завод над детским домом или, наоборот, дети над заводом.

В прошлом году коллектив завода объявил, что принимает шефство над нашим домом, и через некоторое время от слов перешёл к делу: взял у нас взаимы до 20 января пятнадцать кубометров дров.

Прошло полгода, а дров обратно мы не получили. Директор завода Крылов (однофамилец великого баснописца) нас успокоил:

— Стоит ли волноваться из-за таких пустяков!

О наших шефах была помещена заметка в районной газете, но с них, как с гуся вода.

Быть может, ты, дорогой, воздействуешь на Крылова (однофамильца великого баснописца) и убедишь его в том, что пятнадцать кубометров дров — слишком суровый штраф за то, что мы пренебрегли советом баснописца Крылова (однофамильца прославленного теперь директора завода):

— С разбором выбирай друзей!

Н. ВЕРБИН,

Герой Советского Союза, директор
детского дома

г. Сентилей,
Ульяновской области.

Уважаемый Крокодил!

Мне понадобилось купить для сына новую зубную щётку. В магазинах продавались зубные щётки из пластмассы с предупреждением: «Опускать в кипяток нельзя».

Хотя предупреждение это явно противоречило правилам санитарии и гигиены, щётку я всё-таки приобрёл (в магазине «Детский мир»). Дома это приобретение было осторожно погружено мною не в кипяток, а в тёплую воду. И тут незамедлительно произошло чудо. Все щетинки начали затейливо извиваться, укорачиваться, закручиваться в спирали и превратились в нечто непостижимое уму.

Сын мой, присутствовавший при этом превращении, пришёл в восторг от волшебного фокуса и радостно смеялся. Но мне было не до смеха.

По-моему, артелям, изготавливающим такие «зубные щётки», не следует фокусничать. Не выпускают же у нас калоши, немедленно растворяющихся в воде, или зонтиков, вполне заменяющих решето. Почему же изготовители зубных щёток считают себя ненаказуемыми нарушителями общего правила?

Н. АВДАКОВ

Москва.

Дорогой Крокодил!

Честь и хвала тем культурникам санаториев в Хосте, которые догадались премияровать отдыхающих за лучшее исполнение танца... спичками.

Получить такой приз очень приятно. Потому что не очень догадливые работники сочинского торгова не удосужились снабдить торгующие организации спичками и в них ощущается острая нужда.

Я уверен, что все курильщики Черноморского побережья Кавказа быстро включатся в танцы и в поте лица своего будут добиваться права получить коробку спичек.

В. КОЛОБАНОВ

Хоста,
санаторий ВЦСПС № 1-3.

Уважаемый Крокодил!

Чтобы приобрести в кооперативной лавке топор, надо сначала заручиться запиской из районного сельхозотдела, затем на этой записке наложить визу председателя потребительского Базарнова. Только после этого вам продадут топор.

Народная мудрость до сих пор гласила: «Что написано пером, не вырубишь топором».

Что ж, теперь придётся поговорку переделывать: «Пока не напишут десяток резолюций пером, не обзаведёшься топором».

С. ГУНИН,

редактор газеты «Колхозная трибуна»

село Серебряные Пруды,
Московской обл.

КРОКОДИЛ ПОМОГ

● В № 10 Крокодил сообщал о том, что Солонянский суд, Днепропетровской области, отказал восьмидесятичёрствлетней Федоре Костенко взыскать с сына алименты на содержание, а районный прокурор прислал путанный ответ на её жалобу.

Как сообщает заместитель прокурора УССР тов. Глух, прокурору Солонянского района тов. Семенченко объявлен строгий выговор. Неправильное решение народного суда опротестовано.

Рис. В. ВАСИЛЬЕВА

— Осторожней, Петя, не утони!!
— Что ты, ведь море не волнуется!!
— Да, но зато я волнуюсь!..

Редактор — Г. РЫКЛИН. Редакционная коллегия: Д. ЗАСЛАВСКИЙ, В. КАТАЕВ, КУКРЫНИКОВЫ (М. КУПРИЯНОВ, П. КРЫЛОВ, Н. СОКОЛОВ), С. ШВЕЦОВ

Адрес ред: Москва, 40. Ленинградское шоссе, ул. „Правды“, 24, тел. Д 3-32-50, Д 3-33-47. Приём ежедневно с 1 до 5 часов. Подписная цена на журнал — 3 руб. 60 коп. в месяц

Изд-во „Правда“

Москва.

Изд. № 549.

Подп. к печати 10/VI 1948 г.

Статформат 72x105 см. Печ. л. 1½.

Кол. зн. в 1 печ. л. 78 000.

А—06604

Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

Заказ № 1688. Тираж 150 000 экз.

Рис. Ю. ГАНФА

Всесоюзная
книжная палата
обяз. знака.
1948 г.

ПОСЛЕ ВАРШАВСКОГО
СОВЕЩАНИЯ

ДЯДЯ САМ (Джону Буллю): —
Не нравится мне Варшава! Она мне
напоминает Ялту и Потсдам!